

и картофеля). По сути, весь собранный в 1907 году урожай должен был уйти на собственное потребление крестьян-общинников. Ради этого, собственно, и существовала община.

Конечно, крестьяне должны были осенью часть урожая везти на продажу; надо было платить налоги, приобретать износившуюся часть инвентаря, кое-какие предметы потребления. Но при этом они же весной становились самыми массовыми покупателями хлеба, поскольку товарных ресурсов у них всё-таки было мало. У современников не вызывал большого удивления тот факт, что буквально по всем культурам урожайность у частных землевладельцев в Воронежской губернии всегда была выше, чем у общинников, на 25–30 процентов, а нередко и больше. В том же 1907 году урожайность озимых у владельцев была сам-8,4, у крестьян-общинников — сам-5,4; яровых у владельцев — сам-5,7, у общинников — сам-3,6; картофеля у владельцев — сам-7,8, у общинников — сам-5,2¹⁰.

Семь-восемь лет настойчивых усилий могли обнадёжить сторонников перемен. Несмотря на значительное отвлечение рабочей силы из-за мобилизаций (в Воронежской губернии в армию были призваны почти 400 тысяч молодых крестьян), в 1915 году сельскохозяйственное производство выглядело гораздо перспективней, чем в том же 1907-м. Озимых хлебов было собрано более 63 млн пудов, яровых — 72 млн, а всего — 135 млн, почти на 50 млн пудов больше, чем в год начала реформ¹¹. Столь внушительное увеличение производства сопровождалось симптоматичными переменами в аграрных отношениях. Прежде всего ощутимый рост товарности зернового производства наблюдался в крестьянских хозяйствах. Крестьяне стали расширять посеы озимой пшеницы — культуры более продуктивной, чем рожь, но и требующей более совершенной агротехники. Так, в 1913 году крестьяне израсходовали на семена пшеницы 71,5 тысячи пудов, в 1914-м — 81,7 тысячи, а в 1915-м — уже около 140,5 тысячи. Таких подвижек при господстве общины не наблюдалось: для собственного пропитания общинники сеяли исключительно рожь.

Очень важно, что общий рост производства сопровождался чувствительным со-

кращением помещичьего землевладения. Если в 1914 году помещики заняли под озимые 223 тысячи десятин, то в 1915-м — всего чуть больше 100 тысяч. При этом озимые поля крестьян расширились на 125 тысяч десятин и достигли почти 770 тысяч, почти в восемь раз больше, чем у помещиков. Примерно так же увеличивались крестьянские поля и под другими культурами.

На крестьянские хозяйства большее влияние стал оказывать рынок. Появление сахарных заводов привело к росту посевов сахарной свёклы, почти целиком отправлявшейся на продажу. В 1915 году под этой культурой в губернии было занято уже почти 20 тысяч десятин. Всё больше крестьян стали проявлять заинтересованность в выгодных для себя ценах на хлеб, поскольку его производство полностью покрывало потребности большинства семей. В деревне наметился поворот громадного исторического значения: впервые за многие века развитие земледелия начинало связываться не с экстенсивным его распространением, а с интенсификацией производства и подъёмом культуры. Как показывало время, затраты на сельское хозяйство довольно скоро приносили хорошие плоды. «Трёхлетняя агрономическая деятельность, — с удовлетворением отмечал обзор 1914 года, — не осталась без достаточных результатов: среди общей массы крестьян можно найти немало хозяев, которые завели уже улучшенные сельскохозяйственные орудия, породистый скот, разбили сады, применяют культурные способы обработки почвы и приёмы по уходу за посевами и пр.; число таких крестьян с каждым годом увеличивается»¹².

Позитивные результаты были достигнуты в первую очередь в хозяйствах крестьян, прошедших через новое землеустройство. Их опыт служил примером, поэтому даже в 1915 году землеустроительные губернии получили 13 011 ходатайств от крестьян с просьбой образовать единоличные владения¹³. Вышедшие из общины трудились с куда большей эффективностью. На этот факт обратил внимание воронежский помещик и видный государственный деятель Сергей Илиодорович Шидловский (1861–1922). «Появилось то, — вспоминал он, — чего я раньше допустить не мог, и что было, в сущности, совершенно нормально. Крестьянские земли оказывались

обработанными лучше, чем мои, и урожай у них отнюдь не ниже, а выше моих». Улучшения распространялись по мере выхода из общины и дальше, «ни в чём только не затронувши наделные земли». Общинники же, сетовал Шидловский, продолжали вести допотопное хозяйство. «Понятно, что, видя вокруг себя подобные явления, я не мог не прийти к заключению, что общинное распоряжение землёю является самым крупным тормозом для улучшения земельной культуры, при каком мнении я и остаюсь до сего времени»¹⁴.

В немалой степени хозяйственным успехам отрубщиков содействовало развернувшееся в губернии массовое кооперативное движение. Кроме того, во время мировой войны именно крестьянство извлекло наибольшие выгоды из введения в стране «сухого закона». По многочисленным свидетельствам очевидцев, пьянство в воронежских деревнях с лета 1914-го резко сократилось, а сохранившиеся средства крестьяне направляли на укрепление своих хозяйств. «Вследствие закрытия казённых винных лавок, — с удовлетворением доносил богучарский уездный исправник в октябре 1914 года, — всё население трезво, усиленного разврата не замечалось и особо выдающихся каких-либо явлений, заслуживающих внимания за истекший сентябрь месяц в Богучарском уезде не было»¹⁵. При этом крепкие и самостоятельные хозяева отнеслись к «сухому закону» с гораздо большим сочувствием, чем общинники, для которых совместные выпивки давно стали нормой¹⁶.

Однако до решительного поворота в сторону интенсификации в губернии было ещё далеко. Коренная реконструкция сельского хозяйства не могла быть совершена только за счёт аграрных преобразований. Стимулировать повышение эффективности могло только ускоренное развитие промышленности и путей сообщения, а также связанное с такими процессами радикальное изменение структуры общества. Мировая война и разразившийся на её исходе вихрь революционных потрясений прервали нелёгкое реформирование. При советской же власти проблема избыточного аграрного населения решалась, как известно, специфическими методами административно-командного свойства.

г. Воронеж

Примечания

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 2672. Л. 12.
2. Щербина Ф. А. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж. 1887. С. 244.
3. Скиада М. М. Производство крестьянских салонов в слободе Бутурлиновке Воронежской губернии// Памятная книжка Воронежской губернии на 1878–1879 гг. Воронеж. 1879. С. 75.
4. Воскресенский П. В. Кустарные

5. Щербина Ф. А. Хозяйственные нужды Воронежского края//Протокол заседания членов Воронежского отделения Императорского Московского общества сельского хозяйства. Воронеж. 1893. С. 7–8.
6. Новиков А. И. Записки земского начальника. СПб. 1899. С. 23.
7. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в

8. От кого зависит полезность агронома// Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 5. С. 2–3.
9. Письмо крестьянина-отрубщика// Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 12–13. С. 23–24.
10. Обзор Воронежской губернии за 1907 г. Воронеж. 1908. С. 11.
11. Обзор Воронежской губернии за 1915 г. Воронеж. 1916. С. 3.

12. Обзор Воронежской губернии за 1914 год. Воронеж. 1915. С. 3.
13. Постановления Воронежского губернского земского собрания по экономическим вопросам. Воронеж. 1916.
14. Шидловский С. И. Воспоминания (1861–1922). Ч. 1. Берлин. 1923. С. 36–37.
15. ГАВО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 405. Л. 33.
16. Астырёв Н. М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М. 1886. С. 245.